

Душа моя, Господи, занята Тобою целый день и всю ночь, и ищущ Тебя. Дух Твой влечет меня искать Тебя, и память о Тебе веселит мой ум. Душа моя возлюбила Тебя и радуется, что Ты — мой Бог и Господь, и до слез скучаю я по Тебе...

Познавшая Бога душа ничем не может удовлетвориться на земле, но все стремится к Господу и кричит, как малое дитя, потерявшее мать: «Скучает душа моя по Тебе, и слезно ищущ Тебя».

Преподобный Силуан Афонский

Отец его, хоть и посылал сына в школу, сам не умел ни читать, ни писать, даже молитву *Отче наш*, выученную им по слуху в храме, выговаривал с ошибкой: говорил *днесть* вместо *днесь*. Однако от безграмотного отца своего будущий подвижник Афонский получил такие уроки христианской любви, жизни и христианской мудрости, какие невозможно почерпнуть из наук и философии. В образе Ивана Антонова, отца преподобного Силуана, мы видим, как высока была презиравшая интеллигентской образованщиной «сермяжная и лапотная» крестьянская Святая Русь. Вспоминая о своей юности, старец Силуан говорил: «Я в меру своего отца не пришел». Афонский схимонах, аскет, закаленный тягчайшими подвигами поста и молитвы, духоносец и богоvideц, он признавал, что не пришел в меру, то есть не достиг духовной высоты неграмотного землепашца, среди простых трудов и забот

смиренно исполнявшего заповеди Христовы. О своем отце преподобный Силуан рассказывает:

Вот такого старца я хотел бы иметь: он никогда не раздражался, всегда был ровный и кроткий...

Когда случится в доме беда, он остается покоен. После пожара ему говорили: «Ты, Иван Петрович, погорел», а он отвечает: «Бог даст, поправлюсь». Однажды мы шли мимо нашего поля, и я сказал ему: «Смотри, у нас воруют снопы», а он мне говорит: «Э, сынок, Господь нам уродил хлеба, нам хватит; а кто ворует, стало быть у него нужда есть». Я, бывало, ему скажу: «Ты подаешь много милостыни, а вот там лучше нас живут, а дают меньше», а он мне скажет: «Э, сынок, Господь нам даст». И Господь не посрамил надежды его.

Однажды во время летней крестьянской страды Семен готовил обед для всей работавшей в поле семьи. День был постный, но, позабыв об этом, Семен наварил свиного мяса, и все ели.

Прошли месяцы, но вот уже зимой отец напомнил ему:

— Сынок, помнишь, как ты в поле накормил меня свининой? А ведь была пятница, ты знаешь, я ее ел тогда, как стерву.

— Что же ты мне не сказал тогда?

— Я, сынок, не хотел тебя смутить.

Об этом случае святой Силуан рассказал с восхищением:

— Подумайте, полгода терпел, ждал удобной минуты, чтобы и поправить меня, и не смутить; был совсем неграмотный, но был кроткий и мудрый человек.

Духовной мерой простеца Ивана Антонова, к достижению которой путем иноческих подвигов стремился его великий сын, являлось смирение. «Вся наша брань за то, чтобы смирить себя. Враги наши пали гордостью, и нас туда же влекут», — говорит преподобный Силуан. Смириться перед Всесовершенным Творцом своим, перед Богом

Всемогущим и Всеобъемлющим — как очевидна и логична необходимость этого, как легка кажется эта насущная добродетель. Но как трудно бывает человеку, тварному существу, превозмочь свою нелепую гордость и жалкое тщеславие, которыми заразили его природу при грехопадении духи злобы.

Бельма гордыни лишают людей духовного зрения, и ничем — ни науками, ни искусствами, ни трудами, ни подвигами — а только смирением можно смыть эту ослепляющую нас демонскую пленку, просветить свой разум видением Божественной Истины. По слову преподобного Силуана Афонского:

Всякий последний бедняк может смириться и познать Бога Духом Святым. Не надо ни денег, ни имений, чтобы познать Бога, но только смирение...

Гордой душе Господь не являет Себя. Гордая душа, хотя бы все книги изучила, никогда не познает Господа, ибо

она гордостью своею не дает в себе места благодати Святого Духа, а Бог познается только Духом Святым...

Многим за гордость ума их Господь не дает Себя познать, а они все же думают, что много знают. И что стоит их знание, если они Господа не знают, не знают благодати Святого Духа, не знают, как она приходит и за что теряется... Смиренная душа имеет великий покой, а гордая сама себя терзает. Гордый не знает Любви Божией и далек от Бога. Он гордится тем, что богат, или учен, или в славе, но не знает, несчастный, своей нищеты и гибели, ибо Бога не знает. Но кто борется против гордости, тому помогает Господь победить эту страсть...

Смирим себя, братья, и Господь нам все покажет, как любящий отец все показывает детям своим...

Если бы мы были просты, как дети, то Господь показал бы нам рай, и мы видели бы Его во славе, но мы несмирены и потому мучаем и себя и других, тех, что живут с нами.

Детская простота души Семена была нарушена грубым внешним соблазном, когда ему было всего четыре года. С середины XIX века среди безбожной российской образованщины появилась мода «хождения в народ»: неверующие интеллигенты искали общения с простыми людьми под тщеславным лозунгом «просвещения и помощи народу». На самом же деле ходоки-образованцы, самозванные «просветители» являлись помрачителями народного сознания, смущая крестьян и рабочих богохульными и разрушительными идеями, расшатывая святую веру, подготавливая в России революционную катастрофу. Один из таких помрачителей, некий книгоноша (то есть распространитель книг), побывал однажды в избе Ивана Антонова, и его речи поразили незащищенный детский разум Семена.

Отец Семена, как все благочестивые люди, любил привечать странников и зазвал этого книгоношу к себе

в гости, чтобы угостить прохожего человека и услышать от него, как от грамотного и ученого, что-нибудь мудрое, полезное для души. Но вместо душевной пользы книгоноша попытался одурманить гостеприимного крестьянина своим безбожием. Четырехлетний Семен присутствовал при разговоре, и его слух резанула фраза пришельца: «Где Он, Бог-то?» (Эта фраза, как, вероятно, и вся аргументация книгоноши, взята из богохульного романа Льва Толстого «Воскресение». — *а. В.*).

Когда гость ушел, маленький Семен сказал отцу:

— Ты меня учишь молиться, а он говорит, что Бога нет.

Отец отвечал:

— Я думал, что он умный человек, а он оказался дурак. Не слушай его.

Но ребенок не смог так просто, как его твердый в вере отец, отмахнуться от соблазнительных слов книгоноши, словно от навозной мухи. Заноза

сомнения в вере застряла в детском сознании. Тогда же Семен решил: «Когда вырасту большой, то по всей земле пойду искать Бога». Этой твердой решимостью *искать Бога по всей земле* маленький крестьянский мальчик уподобился величайшему богоискателю древности, библейскому патриарху Аврааму, который «пошел из земли своей, от родства своего и из дома отца своего в землю, которую Господь указал ему» (см.: Быт. 12, 1).

Всевышний разрешил сомнения юного богоискателя Семена. Уже подростком слышал он свидетельства о чудесах своего современника, затворника Иоанна Сезеновского. Этого доказательства оказалось достаточно. Семен понял: если Господь творит чудеса через своих угодников, то, значит, «Бог с нами, и не за чем ходить по всей земле — искать Его».

Утвердившись в вере, Семен явно ощутил в своем сердце Божественную благодать. Он стал много

молиться с умилением и со слезами, воспламенялся желанием любви к Богу и ближним. Но увы! Это дивное его состояние длилось недолго.

В этой земной жизни Вселюбящий Бог не раз незримо касается души каждого человека, каждого из нас. Каждый, в какую бы тьму неверия, лжи или греха он ни впал, — если будет искренен с самим собой, сможет вспомнить в своей судьбе эти веяния благодати Господней, эти таинственно-сладостные призывы Всевышнего. Небесный Отец любит всех и зовет к Себе всех, но Он даровал человеку свободу воли и ничью душу не влечет к Себе силой.

Ответная любовь человека к Создателю должна быть свободна: он может откликнуться сердцем на призывающую благодать Божественную, а может отозваться на призыв иного рода: зов нечистого, падшего мира с его прельстительными наслаждениями, отрывающими человека от Всевышнего,

ведущими к вечной гибели. Закружившись на яркой мирской карусели, человек заглушает в себе голос совести, старается позабыть, представить чем-то почудившимся или не бывшим прикосновения Божественной благодати, и очень часто ему это удается. Благо тому, кто сумел опомниться и обратиться к Господу, пока смерть не подхватила его, как сухой лист, и не понесла в огненные бездны преисподней.

На время поддался мирским приманкам и молодой Семен. Духовная жизнь предреволюционной России была расшатана, шаткость нравов поразила и крестьянскую жизнь. Молодежь на селе уже легкомысленно относилась к вере, многие разучились бояться греха, многие односельчане — сверстники — Семена веселились напропалую, и он примкнул к их душепагубному «веселью». Семен был из зажиточной семьи, хорош собой, на него заглядывались девушки, приятели считали его

отличным товарищем, рубахой-парнем, и он тщеславился тем, что люди любят его.

Такой фальшивой «любовью» грешников к соучастникам их непотребных дел, подобной воровской круговой поруке, нередко обольщаются люди. Семен стал жить как все, по правилам лукавого и порочного «общественного мнения», считающего нарушение Христовых заповедей не преступлением, а удалью. Однажды, когда он пал в грех смертный, отец, ничего об этом не знавший, почувствовал, что с сыном совершилось что-то неладное, и спросил его:

— Сынок, где ты был вчера? Болело сердце мое.

Но Семен и тут не опомнился. Он падал все глубже. По природе он был незлобив, любил прощать, но однажды, ввязавшись в драку потому что ему показалось постыдным уступить обидчику, едва не убил человека. Даже это не остановило Семена на скользком пути

рассеянной жизни. Только в глубине сердца, заглушаемая разгулом, еще теплилась тоска по утраченному чистому счастьем молитвы.

Об этом преподобный Силуан говорит:

Когда грехи, как облака, скроют от души свет милосердия Божия, тогда душа хотя и жаждет Господа, но пребывает немощна и бессильна, как птица, заключенная в клетку, хотя и порывается в зеленую рощу, но не может лететь, чтобы на свободе петь хвалебную песнь Богу.

Среди этого затмения души сверкнул для Семена неожиданный свет Свыше. Сама Пресвятая Богородица сжалась над заблудшим, погибающим юношей. Однажды, вернувшись с очередного гульбища, Семен задремал и во сне увидел, будто проглотил змею. Он проснулся с чувством тошнотворного омерзения — и вдруг услышал неземной красоты голос:

— Ты проглотил змею во сне, и тебе противно, так и Мне нехорошо смотреть на тебя, что ты делаешь.

То был голос Владычицы Богородицы — явление из тех редчайших знамений, когда благодать действует властно и человеческая душа безошибочно узнает зов Неба. Находясь в греховной нечистоте, Семен не мог лицезреть Пречистую Матерь Божию — подобное видение сожгло бы грешника, но один голос Ее преобразил все его существо.

Об этом спасительном чуде старец Силуан вспоминает:

Как Господу и Божией Матери жалко народ! Подумайте, Божия Матерь пришла с Небес вразумить меня — юношу во грехах...

О, когда бы мы знали, как любит Пресвятая всех, кто хранит заповеди Христовы, и как жалеет и скорбит о тех, которые не исправляются. Я испытал это на себе... Я не видел

Пресвятую Деву, но Дух Святой дал мне познать Ее любовь к нам. Если бы не Ее милосердие, то я давно бы погиб, но Она восхотела посетить меня и вразумить, чтобы я не грешил. Она мне сказала: «Нехорошо Мне смотреть на тебя, что ты делаешь». И слова Ее, приятные, тихие, кроткие, и действуют на душу. Прошло более сорока лет, но душа моя не может забыть этих сладких слов, и не знаю, что воздам я, грешный, за эту любовь ко мне, нечистому, и как буду благодарить благоую милующую Матерь Господню.

Воистину Она Заступница наша перед Богом, и одно имя Ее радует душу. Но и все Небо и вся земля радуются о любви Ее.

Чудное и непостижимое дело. Она живет на Небесах и непрестанно видит славу Божию, но не забывает и нас, убогих, и Своим милосердием покрывает всю землю и все народы.

Человека маловерного и слабодушного, **с двоящимися мыслями** не могут

вразумить никакие Небесные знамения: если такие люди и спасаются, то только через многие житейские скорби, *как бы из огня*. Не таков был Семен: вразумление от Матери Божией привело его к твердой решимости изменить свою жизнь.

Он каялся горячо и слезно, а покаяние в истинном значении этого слова есть **умоперемена**, перемена ума и обращение всех помыслов к Всевышнему. Отрекшись от скверных мирских удовольствий, Семен решился полностью отречься от мира с его соблазнами: идти в монастырь — на Святую Гору Афон, в земной удел Госпожи Богородицы. Народная мудрость гласит: упасть не страшно — страшно не подняться.

Очистившись покаянием, Семен вновь ощутил изведанный им в детстве высокий порыв к Спасителю своему:

С детства душа моя любила размышлять, как вознесся Господь на небо на

облаках и как Божия Матерь и святые апостолы видели сие Вознесение. Но когда я потерял благодать Божию (в годы юности), то душа моя одичала, и пленилась грехами, и уже редко вспоминала о Вознесении Господнем. Но потом познала душа моя грехи свои, и опечалился я зело о том, что Господа оскорбил и потерял дерзновение к Богу и Божией Матери, и омерзел мне грех, и решил я пойти в монастырь — просить у Бога прощения, и положил в душе умолить Бога, дабы Милостивый Господь простил мне грехи мои.

Однако прежде чем окончательно решить свою судьбу, Семен должен был отслужить в армии. Он был рослый, сильный, статный, поэтому его направили в отборные гвардейские части в Санкт-Петербург. Однако соблазны пышной имперской столицы не подействовали на утвердившегося в благочестии молодого гвардейца. Память о Боге хранил Семен в любых обстоятельствах. Однажды, когда он сидел

с однополчанами в трактире, один из товарищей спросил его:

— Семен, ты все молчишь, о чем ты думаешь?

— Я думаю, сидим мы сейчас в трактире, едим, пьем водку, слушаем музыку и веселимся, а на Афоне теперь творят бдение и всю ночь будут молиться; так вот — кто же из нас на Страшном Суде даст лучший ответ — они или мы?

Кто-то из гвардейцев изумился:

— Какой человек Семен! Мы слушаем музыку и веселимся, а он умом на Афоне и на Страшном Суде.

Действительно, Семен не забывал своего стремления на Афон, как бы преодолевая срок военной службы в предчувствии исполнения заветной своей надежды. Часть своего солдатского жалованья он жертвовал на Святую Гору. Однажды с ним случилось маленькое чудо, сохранившее ему жизнь.

Об этом случае Святой Силуан рассказывал:

Шел я однажды полем из Устижорского лагеря, где летом стоял наш саперный батальон, в село Колпино, чтобы там сдать на почту деньги, которые я хотел послать на Святую Гору, по дороге прямо на меня бежала бешеная собака, и когда она совсем приблизилась ко мне, я только сказал: «Господи, помилуй», и с этим словом какая-то сила отбросила собаку в сторону, словно она наткнулась на что-то, и, обежав меня стороной, направилась в Колпино. Там она многих искусала и много вреда принесла людям и скоту.

С этого раза я познал, как близок Господь к грешному человеку и как скоро Он слушает его молитвы.

В минуту смертельной опасности даже неверующие порой призывают имя Божие: так непроизвольно прорывается сокровенное знание каждой души — знание того, что только Господь может избавить от гибели. Многим в их судьбе, порою не однажды, даруются чудесные избавления — как напоминания

о благодати и близости Всевышнего. Но не многие умеют хранить дарованные им спасительные чудеса благодарной памятью. Семен умел помнить и быть благодарным Господу Милующему.

В блестящей имперской столице Семена не привлекали зрелища дворцов и особняков, пирушки в трактирах и ресторанах, прельстительная роскошь и наглые соблазны. Нет, боголюбивое сердце тянулось к храму Господню. Близ Петербурга, в Кронштадте, Семен видел служение светоча Русской Церкви, праведного Иоанна Кронштадтского — и запомнил это на всю жизнь.

Воспоминание о святом Кронштадтском пастыре стало для преподобного Силуана живым образом любви к Богу и к народу Божию:

Был столп, достигавший от земли до Небес, — отец Иоанн Кронштадтский... Он нашего времени, и мы видели его молящимся.

Помним, как после Литургии, когда ему подали экипаж и он стал садиться, окружил его народ, ища благословения, и в такой сутолоке душа его непрестанно пребывала в Боге, и в такой толпе он не рассеивался и не терял душевного мира. Как же он достигал этого? — вот наш вопрос...

Непрестанно молясь о народе, он сохранял мир душевный, мы же теряем его, потому что нет в нас любви к народу. Святые Апостолы и все святые желали народу спасения и, пребывая среди людей, пламенно молились за них. Дух Святой давал им силу любить народ, и мы, если не будем любить брата, не можем иметь мира.

Пусть каждый подумает об этом...

Я удивлялся силе молитвы отца Иоанна и доселе, а прошло почти сорок лет, не видел, чтобы кто служил так, как он. Народ любил его, и все стояли со страхом Божиим. И не дивно. Дух Святой влечет к Себе сердца людей... Некоторые плохо думают об отце Иоанне и этим оскорбляют Духа

Святого, Который в нем жил и живет после смерти. Они говорят, что он был богат и хорошо одевался. Но они не знают, что в ком живет Дух Святой, тому богатство не вредит, ибо душа его вся в Боге, и от Бога изменилась, и зарыла свое богатство и наряд. Счастливы те люди, которые любят отца Иоанна, ибо он будет молиться за нас. Его любовь к Богу горяча, весь он в пламени любви.

О великий отец Иоанн, молитвенник наш! Благодарю я Бога, что видел тебя, благодарю и тебя, пастырь добрый и святой, ибо ради твоих молитв я расстался с миром и пришел на Святую Гору Афонскую, где увидел великую милость от Бога. И теперь пишу, радуясь, что Господь дал мне понять жизнь и подвиг Доброго пастыря...

О, отец Иоанн, ныне ты живешь на Небесах и зришь Господа, Которого возлюбила душа твоя еще на земле; просим тебя: молись за нас, чтобы и мы возлюбили Господа и приносили покаяние, которому радуется Господь.

О добрый и святой пастырь, ты, как высокопарный орел, возвысился над великой Россией и видел нужды народа с высоты, на которую возвел тебя Дух Святой, живущий в тебе. Силою Духа Святого ты привлекал народ к Богу, и люди, слушая слово Божие из уст твоих, рыдали и приносили горячее покаяние.

О великий и добрый пастырь, ты хотя и умер телом, но духом ты с нами, и предстоя Богу, в Духе Святом ты видишь нас с Небес. И мы смиренно почитаем тебя.

Старец Силуан говорит, что пришел на Святую Гору Афонскую ради молитв отца Иоанна. Да, силу молитвы Кронштадтского пастыря он изведal на себе. Окончив военную службу, Семен поехал в Кронштадт, желая увидеть святого Иоанна и принять его благословение на иноческое поприще. Однако в то время праведного Иоанна в Кронштадте не было, и Семен написал ему письмо, без тщеславных мудрований

и богословских вопросов, короткое, искреннее и смиренное:

«Батюшка, хочу пойти в монахи, помолитесь, чтобы мир меня не задержал».

О том, что письмо дошло и праведный Иоанн молится о нем, Семен узнал по охватившему его жгучему чувству: Вокруг него загудело адское пламя.

Таков был подарок молодому боголюбцу от Кронштадтского пастыря. Что же это за адское полыхание, которое вдруг почувствовал Семен в окружающем его мире? Не часто и не всем христианам дается такое прозрение. Мы существуем в обычной и привычной для нас обстановке, общаемся с грешниками, не видя их душевных язв, на каждом шагу сталкиваемся с ложью и пороком, но не ужасаемся этому и не замечаем омерзительной сущности мирских соблазнов, скрытых под «изящной», привлекательной» или «приличной» оболочкой.